

Уильям Максвелл

Уильям Киперс Максвелл
Пока, до завтра!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74717016
Пока, до завтра:
ISBN 9785002726028

Аннотация

Зимним утром в начале 1920-х годов на ферме в сельской глуши Иллинойса раздается выстрел. Убит мужчина по имени Ллойд Уилсон.

Завязка, которая могла бы стать началом обыкновенного детективного романа, вырастает в нечто совершенно иное. Перед нами – роман-воспоминание, роман-попытка разобраться в трагедии и в том, как беда, пережитая в детстве, остается с человеком на протяжении многих лет и навсегда делает его другим, «выделяет из толпы».

Два мальчика, два героя романа, у каждого – своя беда, и на двоих – хрупкая дружба, которая обрывается тем самым утренним выстрелом.

Пятьдесят лет спустя один из мальчиков – теперь уже взрослый мужчина – пытается восстановить события, предшествовавшие убийству. Из воспоминаний и фантазии, из собственных детских домыслов и наблюдений за разрушительными страстями взрослых Максвелл выстраивает захватывающий роман в духе американской классики – о юности, об утрате, о мужской дружбе.

А еще – о силе и о ненадежности памяти и о том, насколько ошибочно на нее полагаться.

Содержание

I 9
II 13
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Уильям Максвелл
Пока, до завтра

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Переводчик: *Ирина Филиппова*
Редактор: *Аглая Топорова*
Издатель: *Павел Подкосов*
Главный редактор: *Татьяна Соловьёва*
Руководитель проекта: *Александра Казакова*
Дизайн обложки и макет: *Юрий Буга*
Корректоры: *Зоя Скобелкина, Юлия Сысоева*
Верстка: *Максим Поташкин*

© William Maxwell, 1980
© Художественное оформление, макет. ООО «Альпина нон-фикшн», 2027

* * *

Уильям Максвелл

Пока, до завтра

роман

Перевод с английского

альпина
ПРОЗА

Москва, 2023

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Посвящается
Роберту Фицджеральду

I
Выстрел

Гравийный карьер находился примерно в миле к востоку от города, величиной он был с небольшое озеро и до того глубокий, что мальчишкам младше шестнадцати родители купаться там запрещали. Я знал о нем только понаслышке. Поговаривали, будто у карьера нет дна, и, поскольку меня тогда увлекала мысль о том, что, если все время рыть и рыть яму, рано или поздно докопаешься до Китая, разговоры о бездонности карьера я воспринимал буквально и верил в нее, как в реальный факт.

Как-то зимним утром, еще до рассвета, трое мужчин, грузивших у карьера гравий, услышали звук, похожий на пистолетный выстрел. А может, сошлись они в догадке, это был автомобильный выхлоп. Спустя несколько секунд встало солнце. С поля, что тянулось вдоль карьера, никто так и не появился, на дороге они тоже никого не увидели. Звук, который услышали мужчины, произвела вовсе не выхлопная труба; в то утро был застрелен фермер-арендатор по имени Ллойд Уилсон, и услышали они выстрел оружия, из которого его убили.

На дознании у коронера дядя Уилсона, которому было уже под семьдесят и который последние несколько лет жил с

племянником, свидетельствовал, что, пока задавал корм лошадям, видел фонарь Ллойда, когда тот направлялся к коровнику. Конюшня стояла от коровника футах в пятистах. Выстрела он не слыхал, и, насколько ему было известно, на территории в то утро посторонних не было. Жили тогда на ферме Уилсон, его двое сынишек, шести и девяти лет, пожилая экономка и, собственно, дядя – Фред Уилсон.

Следующей показания давала экономка, она сообщила, что в последнее утро своей жизни Ллойд Уилсон поднялся, как обычно, в половине шестого, оделся и развел огонь в двух очагах. Дожидаясь, пока разгорится огонь в кухонной плите, он стоял и развлекал экономку разговорами, шутил. Настроение у него было приподнятое, и из дома он вышел насвистывая. Обыкновенно Уилсон управлялся с дойкой и возвращался в кухню прежде, чем экономка подаст завтрак. В семь, зная, что хозяину надо ехать в город за человеком, которого он нанял на очистку кукурузы (в тот год он с этим припозднился), экономка велела младшему мальчику пойти посмотреть, отчего это отец так задерживается. Мальчик попросил фонарик, она выглянула в темноту и сказала, что в фонарике нужды нет – в открытую дверь коровника падает свет отцовской лампы. Скоро она услышала, как мальчик возвращается. И плачет. Экономка открыла внешнюю защитную дверь и окликнула его, и тогда он сказал:

– Папа мертвый! Сидит с открытыми глазами, но он мертвый.

Кто ж поверит ребенку. Отмахнувшись от него и его выдумок, экономка бросилась к коровнику. Уилсон сидел на табурете в центральном стойле, тело обмякло и привалилось к перегородке. Она схватила его за руку и закричала:

– Господи боже, Ллойд, да что это с вами? – Она решила, что ему сделалось плохо с сердцем, а может, удар хватил.

Слова мальчика подтвердились: Ллойд сидел с открытыми глазами, но был мертв. Экономка и Фред Уилсон сделали все, что полагалось, – а именно, она вернулась в дом и позвонила куда положено по телефону, а он завершил дойку и отогнал коров на пастбище, после чего уселся рядом с умершим дожидаться, пока приедут владелец похоронного бюро с помощником и увезут тело с собой в город. Труп уже успел окоченеть, так что пришлось разрезать рукав пиджака, чтобы его раздеть. Сняли куртку, пиджак, вельветовую жилетку, фланелевую рубашку и тогда только на нижней нательной рубахе увидели маленькое красное пятнышко – над самым сердцем.

В те времена – а я говорю о начале тысяча девятьсот двадцатых – жители Линкольна редко запирали двери на ночь, а если и запирали, то не из страха перед реальными взломщиками, а на всякий случай. В вечерней газете порой можно было прочесть, что кого-то арестовали за нарушение общественного порядка, но это означало – за пьянство. Не подумав как следует, я мог бы сказать, что странно ожидать раз-

гула преступности в таком местечке, где дома стоят почти вплотную друг к другу и ни один не обнесен высокой оградой и где трудно сделать что-нибудь из ряда вон выходящее так, чтобы кто-то по случайности или из пустого любопытства хоть краем глаза этого не увидел. Однако взгляните на следующую выдержку из истории округа Логан, опубликованной в тысяча девятьсот одиннадцатом году: «Хотя в округе и было зарегистрировано около пятидесяти перестрелок со смертельным исходом… среди них найдется немного таких, чьи участники были бы всем хорошо известны или занимали бы положение в обществе». Как правило, стрельба, поножовщина или забивание дубинкой случались в хижине угольщика, темном переулке или на отдаленной ферме, но одно из преступлений, упомянутых в книжке про Логан, произошло в доме на Десятой улице, по соседству от того места, где жили мы, когда я был ребенком. Убийство Ллойда Уилсона отличалось от всех прочих одной деталью – настолько шокирующей, что линкольнский «Курьер-Геральд» несколько дней не решался о ней написать: убийца бритвой отрезал мертвецу ухо и унес его с собой. В ту дофрейдовскую эпоху люди не стали гадать, вместо какой другой части тела было отрезано ухо, – а просто содрогнулись.

II
Время траура

Едва ли я хранил бы более пятидесяти лет воспоминание об убийстве фермера-арендатора, которого в глаза не видел, если бы 1) не был знаком с сыном убийцы и 2) вскоре после случившегося не совершил поступка, за который впоследствии мне будет стыдно. Эти мемуары – если их можно так назвать – движение по кругу, тщетная попытка загладить вину.

Прежде чем окунуться во все это, надо мне упомянуть еще кое-что. Когда отец мой был уже в преклонном возрасте и стал все чаще упоминать в разговорах прошлое, я однажды спросил у него, какой была моя мама. Я знал, какой матерью она мне была, но подумал, что пора бы мне услышать от кого-то, каким она была человеком. К моему удивлению, отец сказал: «Нечего прошлое ворошить», – вроде дал понять, что разговор окончен, но произнес это таким резким тоном, что я стал ломать голову: то ли у него после стольких лет не осталось к ней никаких чувств, то ли, наоборот, чувства остались, но ему это кажется неправильным. Так или иначе, со мной говорить о ней он не хотел.

Мало найдется семей, которых беда всегда обходила бы стороной, но на семью моей матери в годы между тысяча де-

вятьсот девятым и тысяча девятьсот девятнадцатым обрушилось столько несчастий, что одной семье как будто и чересчур. Дед мой как-то заночевал в одном фермерском доме, был там укушен за ухо не то крысой, не то хорьком и три месяца спустя умер от заражения крови. Единственный брат моей матери попал в автомобильную аварию и лишился правой руки. Младшая сестра матери никак не могла разжечь камин и плеснула в него керосину – на ней вспыхнула одежда, и шрамы от ожогов остались на всю жизнь. У моего старшего брата, когда ему было пять лет, нога попала во вращающееся колесо повозки.

Во времена всех этих бед я был еще так мал, что либо ничего о них не знал, либо не испытывал по их поводу никаких чувств, потому что узнавал о них, как говорится, через третьи руки. Когда брат раздевался перед сном, он оставлял свою искусственную ногу прислоненной к стулу. Мы спали в одной комнате, и протез брата был для меня такой же привычной вещью, как его кепка и бейсбольная перчатка. Жалость к себе ему была не свойственна, и старшие всегда следили за тем, чтобы не выказывать своего огорчения по поводу случившейся с ним беды. Все мои чувства по поводу его «несчастья» были запрятаны глубоко в подсознание (если допустить, что таковое вообще существует) – там, где мне было до них не добраться.

Мой младший брат родился в первый день нового года, на пике эпидемии инфлюэнцы тысяча девятьсот восемнадцато-

го. Наша мама умерла два дня спустя от двусторонней пневмонии. После этого несчастья прекратились. Худшее, что могло произойти, уже произошло, и жизнь лишилась красок. Мы не верили собственным глазам, но стойко сносили венок на двери, похоронного распорядителя, который то приходил, то уходил, бесконечный поток еды, удушливый запах белых цветов и все прочее, включая первую из череды экономок, которые заботились о младенце и за столом занимали место матери. Оглядываясь назад, я понимаю, что эта женщина с землистым цветом лица и плоской грудью вытянула несчастливый билет задолго до того, как увидела нас. Она пришла из мира, о котором мы ничего не знали, и я не помню, чтобы у нее когда-нибудь были выходные. Думаю, она попыталась стать матерью мне и моему старшему брату, но броня нашего сопротивления была так крепка, что одной неловкой попытки ее пробить явно было недостаточно. Мы слишком хорошо понимали, чего лишились, и фальшивой нежностью нас было не провести.

За нами присматривали и сестры матери, и сестры отца, и наша бабушка. Если бы не они, не знаю, что стало бы с нами в этом печальном доме, где жизнь замерла в неподвижности и никогда ничего не менялось. Отца смерть моей матери практически уничтожила. Вечерами после ужина он ходил по дому, и я ходил вместе с ним, приобняв за талию. Мне было десять. Он шел от гостиной до прихожей, потом, повернув, проходил мимо напольных часов и шагал в библио-

теку, а из библиотеки – в гостиную. Или же шел из библиотеки в столовую, а оттуда через другую дверь – в гостиную и снова в прихожую. Поскольку он ничего не говорил, я тоже молчал. Я только пытался, когда он собирался повернуть, предугадать, в которую комнату он сейчас направится, чтобы нам друг в друга не врезаться. Его взгляд был сосредоточен на чем-то за пределами всех этих комнат, и лицо было пепельного цвета. Из разговоров, которые велись при мне, я знал: отца терзает мысль о том, что беда произошла по его вине. Если бы он только позаботился о мерах предосторожности, если бы сделал то-то и то-то… Ерунда все это, ничего бы не помогло. Посреди бушующей эпидемии, когда людям рекомендовали избегать скоплений народа, отец и мать сели в переполненный поезд и отправились за тридцать миль в Блумингтон, где больницы были лучше, чем в Линкольне. Но даже если бы мама родила ребенка дома, она бы все равно подхватила испанку. Мой старший брат ее бы заразил, или отец, или я. Мы все переболели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.